

*Л.П. ЕВСТИГНЕЕВА,
Р.Н. ЕВСТИГНЕЕВ*

От ускорения к ускорению: размышления над итогами двадцатилетия*

Прошло двадцать лет с начала перестройки, которая дала импульс рыночной трансформации социализма, продолжающейся до сих пор. Ее траектория далеко не всегда понятна. Юбилей – хороший повод поразмышлять об этом.

Причины рыночной трансформации

Пафос горбачевских преобразований состоял в так называемом "новом мышлении". Коммунистическая идеология заменялась идеологией глобализации. Это означало больше, чем устранение "железного занавеса", чем просто активное политическое и экономическое взаимодействие СССР с США, Европой, всем миром. Во-первых, страна отказывалась от тоталитаризма и поворачивалась лицом к демократии и либерализму. Причем акцент ставился на освоении социально-политических свобод как основы жизнедеятельности не только отдельного человека, но и общества в целом. И экономики, которая должна была стать рыночной. Во-вторых, "новое мышление" предполагало замену классовой структуры общества социально-экономической, основанной на дифференциации доходов (объединяющая новая категория – электорат). Социалистическое общество прощалось со своим базисом – общественной кооперацией живого труда и классовой пролетарской культурой. История поставила вопрос о новых, рыночных механизмах рационализации хозяйственной деятельности.

При социализме рационализация как феномен духовной культуры получала обоснование в атеизме и материализме. Атеизм был воплощен в классовой (пролетарской) нравственности и этике. Материализм служил философским обоснованием приоритета реального сектора экономики и ограничения динамического потенциала совокупностью производственных факторов, используемых и воспроизводимых в рамках общественной кооперации живого труда.

Разрушив эту философскую опору, перестройка сняла внутренние, встроенные в личные потребности, постулаты дисциплины и созидательного тонуса труда. Вхожде-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (проекты № 04-02-00131а; № 03-02-0114а).

Евстигнеева Людмила Петровна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра анализа рисков и кризисов Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН.

Евстигнеев Рубен Николаевич – доктор экономических наук, заведующий Центром сравнительных экономических исследований ИМЭПИ РАН.

ние в процесс глобализации с ее идеей демократического общества и личной свободы, включая свободу совести, привело российское общество к потребности в рынке как внешней принудительной рационализации. Рынок оказался необходимым для всех слоев общества и государства, для всех аспектов жизнедеятельности, включая внешнеполитический. "Как на Западе" стало общей целевой установкой общества и государства.

В-третьих, "новое мышление", будучи отнесено главным образом к восприятию глобализации, почти никак не отреагировало на развитие коммуникативной практики и культуры постмодерна, охватившей западные страны и создавшей общекультурный либеральный контекст глобализации. Коммуникативная практика не может уместиться в пространстве классовых социально-экономических интересов. Ей нужны над-классовые структуры, объединяющие социально-экономические кластеры, связанные с дифференциацией доходов. Именно в этой связи на Западе развернулся процесс отделения демократии от либерализма. Как должно реагировать на это противоречие российское общество? Должна ли Россия повторить западный алгоритм: сначала демократия – потом либерализм?

М. Горбачеву глобализация виделась как соединение обеих исторических траекторий развития – демократической и либеральной. В глобализации и открытости экономики он видел сугубо политическую панацею от всех бед, включая и беды реального социализма. Он полагал возможным встроить социализм в глобализацию. Однако эта приверженность к социализму была проигнорирована его же сторонниками. Социализм отвергался реформаторами как тоталитарная система, что нашло понимание и поддержку в обществе. Правда, прошло 20 лет – и правые отказались от либерализма как политической практики, поместив его в демократическую нишу как либеральную идеологию демократизма.

Это произошло на фоне того, что все общество стало относиться с сомнением к либеральной идее. Однако, вопреки таким настроениям, контуры либерализма как проблемы личного участия граждан в развитии общества обозначились за последнее время, как нам представляется, еще резче. Так, индийский экономист, нобелевский лауреат А. Сен бесконечно сближает понятия развития общества и свободы граждан, что позволяет ему расширить понятие либерализма за пределы "принципов невмешательства" (государства в рынок). Его вывод, который мы разделяем, состоит в том, что "понимание развития как свободы охватывает не только конечные цели развития, но также процессы и процедуры, обладающие своей собственной ценностью" [Сен, 2004, с. 50]. Для Сена вычетом из свободы является не только ослабление демократического контроля над государством, но и мелочная регламентация экономики. Когда читаешь его книгу, начинаешь надеяться, что, может быть, когда-нибудь наше государство поймет, что разделение содержания инвестиционной деятельности между финансовым капиталом и государством, при котором государство указывает направления капиталовложений, оставляя бизнесу финансовую сторону развития, лишает бизнес свободы или целесообразности и деятельного характера человеческих взаимодействий. Экономика в данном случае – не менее важная сфера, чем политика.

Думаем, что именно исходя из понимания развития как свободы следует оценивать прошедшее двадцатилетие. Нельзя не отметить неоспоримый вклад Горбачева в политический и социальный подъем общества. Ему удалось подготовить общество к переменам в рыночном, а значит, прогрессивном направлении.

С чисто экономической точки зрения 1980-е гг. характеризовались необходимостью преодоления общего дефицита. Надо было что-то делать, так как добавочные инвестиции, если ничего не менять, могли дать только добавочный прирост ВВП, но на его обеспечение не хватало инвестиционных ресурсов. То, что данная проблема является финансовой (апелляция экономики к финансовой системе в связи с необходимостью регулирования реального сектора экономики как целостности) и макроэкономической (разделение макро- и микроуровней социально-экономической системы: вычленение субъектов текущего хозяйствования как множества юридических лиц и четкое опреде-

ление функций государства как субъекта регулирования экономической стратегии), тогда не осознавалось. Ставка делалась на децентрализацию управления.

Напомним, что обвальное падение эффективности советской экономики началось во второй половине 1970-х гг. (к началу 1980-х гг. эффективность капиталовложений стала нулевой, а затем и отрицательной) с резкого падения эффективности накопления и усиления соответствующего компенсационного спроса на инвестиции. Инвестиционный дефицит, резкое понижение эффективности капиталовложений, общий экономический спад имели общие причины. Вопрос в том, каково их содержание и почему они оказались непреодолимыми для социализма?

Стандартный ответ таков: "75 лет структуру производства определял не платежеспособный спрос, а план: 60% валового продукта – военного назначения. Чрезмерное производство первичных ресурсов... должно было покрывать крайне неэффективное их использование. Товары народного потребления покупали только потому, что не было выбора" [Ясин, 2004, с. 78]. С таким мнением трудно согласиться. Не странно ли, что наше общество осуществило ускоренную индустриализацию, уделяло огромное внимание техническому прогрессу, что позволило стране стать одним из лидеров освоения космоса, создало сильную техническую интеллигенцию, обеспечило высокий уровень массового образования – и тем не менее считается современным реформаторским сообществом страной с "маленькой экономикой"? На самом деле, нужно ответить на вопрос: почему вдруг в 1980-е гг. план перестал сколько-нибудь эффективно регулировать производство и платежеспособный спрос?

Дело в том, что к началу 1980-х гг. была завершена индустриализация. Именно в этой связи централизованное планирование потеряло свои воспроизводственные основания. Последние сводились к гармонизации натурально-вещественного и стоимостного централизованных кругооборотов и, следовательно, целиком были погружены в сферу приоритетных натурально-вещественных взаимодействий внутри межотраслевого баланса (МОБ) ВВП. Завершение индустриализации означало и завершение возможностей централизованного регулирования межотраслевой пропорциональности (между комплексами, с одной стороны, сырьевым топливно-энергетическим и инвестиционным, с другой – потребительским). Ось пропорциональности внутри МОБ (как товарного, так и трудового) сдвинулась с инвестиционного комплекса отраслей, как это было в начале 1960-х гг., и легла на границу между сырьевым топливно-энергетическим комплексом и инвестиционным, отбросив на периферию производства потребительский комплекс.

В одной из работ Е. Ясин показывает, что подобный сдвиг сохранился до сих пор. Правда, его расчет сделан в отношении трех секторов – экспортного, ориентированного на внутренний рынок, нерыночного. Но нетрудно доказать, что указанное деление идентично разделению производства на три указанных выше отраслевых комплекса.

Ясин отмечает, что расчет секторских доходов по мировым ценам дает следующие пропорции: в первом секторе 4,17% занятых производят 17,3% валового выпуска, во втором – 62% занятых создают 57,6%, в третьем секторе 31,2% занятых производят 18,3% выпуска [Ясин, 2003, с. 6].

Данная структура вовсе не является диспропорцией – таковой она выглядит только по отношению к рынку свободной конкуренции, то есть рынку микроэкономики. На деле это сложившаяся в итоге индустриализации в недрах микроэкономики стартовая пропорция макроэкономики. Повальное увлечение западными теориями экономического роста в 1960-х гг. было вызвано указанной стартовой макроструктурой: вокруг трех основных блоков отраслей формировались, соответственно, капиталоемкий, нейтральный и трудоемкий типы экономического роста¹.

¹ О теоретическом осмыслении эволюции стартовой структуры в рыночную макроэкономику Дж.М. Кейнсом см. [Евстигнеева, Евстигнеев, 1998].

В 1960-е гг. наступило время создания на базе первого уровня (ранга) стратегического рынка, объединяющего его усилия с усилиями государства и образующего денежный контур экономики второго стратегического уровня (ранга) финансового капитала – финансового контура экономики во главе с Большим банком страны. В рамках стратегического рынка второго ранга произошел отрыв оборота инвестиций от оборота действующего основного капитала, что обеспечило свободу рынка в осуществлении концентрации капитала и его направление в прогрессивные отрасли, в том числе в информационную экономику. Были развернуты массовые фондовые рынки в качестве основного механизма концентрации и распределения инвестиций. Финансовый контур экономики включил в себя циклическую иерархию рынков во главе с рынком крупных инвестиционных программ, что потребовало изменения содержания и механизма участия государства в рынке. Были созданы институты макроэкономической кооперации крупного финансового капитала, государства и регионов. Внутренняя конвергенция финансового капитала и государства привела к преобразованию системы государственного управления в систему взаимодействия этих крупнейших игроков на рынке.

Итак, стратегическая сфера экономического роста второго ранга представлена теперь в развитых странах прежде всего системой разнокачественных объектов (капитал, доход, продукт). Далее – системой специфических лидирующих субъектов (финансовый капитал, государство, совокупный производитель). И наконец, системой адекватных конкурентных механизмов (институты стратегического рынка крупных программных инвестиций, продвигующие внутреннюю конвергенцию между финансовым капиталом и государством; рыночные механизмы корпоративизации и формирования крупных ниш капитала, регулирующие распределение дохода; механизмы ценовой конкуренции). Тем самым содержание второго стратегического ранга может быть интерпретировано как внутренний (внутри национальной экономики) выбор типа экономического роста.

Если сказанное верно, то сложность рыночной трансформации для России обуславливалась не низким уровнем суммарной факторной эффективности, а тем, что МОБ ВВП больше не мог ориентироваться на этот уровень и сохранять роль базисной системы плановых стратегических расчетов. Критерии оптимальности экономики сдвинулись в финансово-денежную область. Чрезвычайно высокий уровень индустриализации нуждался в адекватном повышении роли капитала, более того, крупного финансового капитала. Во весь рост встала задача приватизации и капитализации экономики. Рынок требовал не только иной экономической модели, но и комплекса демократических политических преобразований.

Миф об ошибках реформаторов

У нас постоянно обсуждается вопрос об ошибках реформаторов в плоскости "шоковая терапия или градуализм?". Для политологов это, наверное, интересная тема. Для нас же, экономистов, имеет смысл говорить только об одной ошибке, относящейся не к политическому поведению, а к уровню теоретической разработанности идеологии реформирования. С нашей точки зрения ошибочно было сводить сложнейший процесс формирования структур и институтов современной финансовой экономики к абстрактным механизмам ценовой конкуренции (модели рынка свободной конкуренции).

Когда уровень индустриализации достигает структурного максимума, необходим трехшаговый переход от микро- к макроэкономике, однако в рамках дилеммы "рынок – государство" такой переход невозможен. Необходимо усложнение, а именно – погружение простых связей этой первичной дилеммы в системную дилемму "финансовый капитал – государство". Экономика в этой связи обречена на три качественных (фазовых) перехода:

- от экономики производительного капитала (социалистическую экономику можно считать квазиформой микроэкономки, или экономики производительного капитала) к экономике денежного капитала (бюджетную экономику с сильным блоком бюджет-

но-денежного регулирования можно рассматривать как упрощенную форму денежной экономики);

- от экономики денежного капитала и системы приоритетов бюджетно-денежной системы к финансовой экономике с адекватными для нее развитыми валютно-денежными и фондовыми рынками, включая массовые рынки корпоративных акций и облигаций;

- от экономики финансового капитала в ее незрелых – линейных – формах к финансовой экономике, построенной на синергетических принципах.

С учетом сказанного попробуем оценить ситуацию двадцатилетней давности, акцентируя внимание не просто на кризисной ситуации в общественном производстве, инфляции и т.п., а осмысливая ключевую роль инвестиционной природы экономического спада. Вследствие данной природы для оптимизации макроэкономической структуры (на уровне упомянутых выше комплексов отраслей) назрела необходимость оторвать распределение инвестиций от распределения основных производственных фондов (ОПФ) с тем, чтобы сконцентрировать ресурсы на эффективных направлениях экономического роста. Этой задаче отвечала необходимость разделить макро- и микроуровни экономики. Возникла потребность в принципиально иных рычагах финансового управления. Что же произошло на деле?

Первое. Инвестиционный дефицит интегрировался и воспроизводился системой натуральных и трудовых МОБ ВВП, резко асимметричных с точки зрения соотношения индустриальных комплексов отраслей и потребительских отраслей. К середине 1980-х гг. индустриальная асимметрия МОБ достигла такого уровня, что простое воспроизводство индустриальных комплексов отраслей (сырьевого, топливно-энергетического, инвестиционного) нуждалось в увеличении нормы накопления за счет сокращения дохода населения и материальных ресурсов развития потребительского комплекса отраслей. Вместе с тем наращивание производства, если оценивать ситуацию с точки зрения макроэкономики, захлебывалось вследствие низкого спросового потенциала внутреннего рынка.

Низкие доходы населения стали первостепенным негативным фактором развития макроэкономики. В то время многие экономисты полагали, что выход из индустриального тупика состоит в волевом решении государства направить основной поток финансовых ресурсов в потребительский комплекс, компенсировав нехватку сбережений для инвестиций в народном хозяйстве расширением экспортного сектора, а также дополнительным стимулированием производства мерами децентрализации. Для обоснования указанного маневра была выдвинута концепция ускорения.

Огромную работу в этом направлении проделал Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР во главе с А. Аганбегяном, оценивший возможный вклад микроуровня в производительный потенциал экономического роста. Институт народнохозяйственного прогнозирования АН СССР (Ю. Яременко) предложил многоуровневую модель МОБ, в которую входила и автономная модель исследования межотраслевых взаимодействий. Этот институт, таким образом, взялся за разработку макроэкономических структурных условий и механизмов увеличения производительного потенциала экономического роста. Однако ожидаемого эффекта не получилось. Сегодня причины этого представляются достаточно ясными.

С одной стороны, макроэкономический подход не был подкреплён адекватной финансово-денежной концепцией рыночной макроэкономики. С другой стороны, микроэкономика рассматривалась как пространство субъектов, лишенных стратегической свободы. В обоих случаях социалистическая экономика отторгала финансовое мышление, в контексте которого могла быть решена проблема стратегии как на уровне хозяйственного звена, так и на уровне государства.

Второе. Структура экономики формировалась без учета закономерностей общего рыночного равновесия. В частности, как мы уже отмечали, игнорировалась роль дохода населения как феномена макроэкономики, то есть его роль в формировании спросового потенциала экономики. Не принималась также во внимание категория ин-

вестиционного спросового потенциала. Макроэкономика есть взаимодействие интегральных величин, в частности инвестиции образуют компактное множество, не сводимое к факторам расширенного воспроизводства основного капитала в совокупности хозяйственных звеньев. В макроэкономике возникает задача формирования структурного, обладающего внутренней иерархией, динамического рыночного потенциала. Он включает в себя несколько структурных уровней: эмиссионный, инвестиционный, инфляционный, факторный, социальный.

Жесткий примат индустриальных отраслей, при полной депрессии потребительских, обусловил негатив и в стоимостной структуре производства. Имеется в виду разрыв моделей ценообразования в индустриальных и потребительском комплексах (цена производства – и определение рентабельности на базе себестоимости) и взаимное отторжение денежных оборотов – кредитно-денежного в индустриальных комплексах и налично-денежного в потребительском. В результате не могли сложиться необходимые для рыночной макроэкономики целостные обороты (финансовый, денежный, доходный контуры). Без этой предпосылки центр для регионов не обладает достаточно сильным экономическим притяжением, что заставляет компенсировать неразвитость всех структур макроэкономики политическими рычагами.

Стало нарастать противоречие между отраслевой финансовой структурой на основе базисной роли экспортного сектора (сырьевого топливно-энергетического), с одной стороны, и структурой реального сектора экономики, где базисная роль принадлежала машиностроению и в целом инвестиционному комплексу, – с другой. Противостояние указанных отраслевых подсистем относилось не только к их инвестиционному обеспечению, но и к политике цен: внутри потребительского сектора, например, существовало резкое завышение цен на технику потребительского назначения [Яременко, 1999, с. 49] (кстати, на фоне общего занижения цен на военную продукцию). Это обстоятельство усугублялось специфической структурой отраслей народного хозяйства, которая сама по себе являлась депрессивным фактором для динамики дохода.

Построенный на основе асимметричного МОБ бюджет был дефицитным, что вынуждало Центральный банк эмитировать лишние деньги и поддерживать финансово-денежную стабильность с помощью жесткого валютного курса при одновременной политике наращивания государственных валютных резервов. Экономика оказалась в ситуации избыточного накопления, причем не только вследствие депрессивного состояния потребительского спроса, но и в результате почти затухающего инвестиционного спроса.

По нашему мнению, причина такой ситуации состояла в перерастании инвестиционного кризиса в системный социально-экономический. Потери в области спросового (инвестиционного и потребительского) потенциала были связаны не с внутренними процессами в структуре производственных (ресурсных, финансовых, трудовых) факторов, а с начавшимися эволюционными преобразованиями социально-экономической системы социализма – ее субъектов, объектов и инвестиционных механизмов. В стране возник хаос, который и должен был возникнуть из потребности к усложнению экономики на границе между индустриальной и постиндустриальной эпохами развития. Непонимание ситуации как государством, так и обществом ускорило развитие хаоса.

Концепция ускорения 1985 года как воплощение идеологии политизации экономики

Если рассуждать в воспроизводственном плане, надо выделить следующие причины быстрого перерастания экономического спада в системный социально-экономический кризис. Во-первых, отсутствовали механизмы оборота основного капитала с учетом нормального замещения и модернизации. Об этом свидетельствовали как несбалансированный по факторам экономический рост, так и заниженная в действующих ценах доля капитала в машиностроении, легкой и пищевой промышленности [Яременко, 1997, с. 224–225]. Во-вторых, имел место разрыв покупательной способности (эквива-

лентности) рубля в разных отраслях промышленности и народного хозяйства (амплитуда разрыва – в 4 раза). Это обуславливало нарастание зависимости внутреннего рынка от мирового, ибо только с его помощью можно было в короткие сроки закрывать постоянно возникающие бреши. В этой ситуации происходило ослабление рычагов централизации. Сильные позиции приобретали отдельные министерства как субъекты управления конвертируемыми рублями [Яременко, 1999, с. 18, 47].

В-третьих, быстрый экономический рост имел внутренний предел – значение коэффициента капиталоемкости, равное 3. Этот порог был пройден уже в самом начале 1980-х гг. Затем экономический рост прочно вошел в режим псевдоэкстенсивного типа. Экономика стремилась выкачивать из своих резервных сфер все ресурсы труда, но для их привлечения требовались возрастающие инвестиционные источники. Режим псевдоэкстенсивного типа наглядно просматривается на простой формуле производственной функции $Y = 1/f \cdot (K - L) + L$, где Y – прирост национального дохода, f – прирост капитального коэффициента (коэффициента капиталоемкости) производства ВВП, $1/f$ – коэффициент производственной функции, $(K - L)$ – прирост капиталовооруженности труда, L – прирост числа занятых. Переход капитального коэффициента за границу значения 2 требует либо изменения социально-экономических институтов и новой модели экономического роста, либо резкого расширения производства в экспортной группе отраслей, либо перехода через экономический спад к новой отраслевой структуре с равновесным значением коэффициента капиталоемкости.

Анализ указанных вариантов приводит к необходимости более общей системной постановки проблемы. То есть речь идет не только о необходимости системных решений с учетом фундаментальной системной роли финансового капитала, но и о смене системы в целом. Вместе с тем наибольшей остроты проблема перехода инвестиционного спада в социально-экономический кризис достигла в сфере стратегической функции финансового капитала. Ее появление обуславливалось эволюцией отраслевых комплексов – сырьевого, топливно-энергетического (*а*), инвестиционного (*б*) и потребительского (*в*) в структуру экономики с приматом экспортного блока (комплекса *а*). Обозначим данную отраслевую структурную тенденцию в виде символов $абв = Абв$. У государства наметился стратегический партнер и конкурент – крупный финансовый капитал. Это обстоятельство требовало эволюции рыночного механизма распределения инвестиций с переносом центра тяжести процессов инвестирования с микро- на макроуровень. В противном случае экономика оказывалась невосприимчивой к инвестициям, потенциал инвестиционного спроса понижался. Эта ситуация продуцировала необходимость трансформации централизованного планирования в рыночные механизмы, так как именно от государства исходило блокирующее воздействие на инвестиции (государство блокировало возникновение и распространение стратегического импульса экономического роста).

В той степени, в какой отраслевая структура $абв$ оказывалась противопоставленной экспортному сектору экономики в качестве структуры внутреннего рынка как целостности (речь идет о тенденции $абв = Абв$), актуализировалась роль денежного капитала и банковских институтов. Последнее связано с повышением спросового потенциала внутреннего рынка, это – одно из проявлений его целостности в условиях системных связей $Абв$ и $аБв$. Денежный капитал, чтобы реализовать единство с финансовым, должен был развивать институты, реализующие инвестиционные функции денег, а это уже перемены не конкретно-воспроизводственного, а социально-экономического плана.

Наконец, повышение тонуса отраслей потребительского комплекса и расширение масштабов спросового потенциала рынка также затрагивало проблемы социально-экономического уровня. Переход отраслевой структуры комплексов от типов $Абв$ и $аБв$ к $АБВ$ невозможен через посредство традиционного формирования производственного потенциала, низводящего импульс экономического роста к суммарной факторной эффективности экономики. Здесь перекрещиваются две проблемы.

С одной стороны, возникает необходимость создать условия внутри реального сектора для интенсивного развития массового малого и среднего бизнеса и для превращения его в системный субъект рыночной макроэкономики и общего рыночного равновесия. С другой стороны, что полностью не осмыслено до сих пор, проблема развития малого и среднего бизнеса в указанных его системных связях самоидентифицируется как проблема региональных рынков в качестве самостоятельного структурного уровня рыночной макроэкономики, зависящей, в свою очередь, от крупного финансового капитала. Это тоже перемены социально-экономического уровня.

Таким образом, чисто абстрактно можно себе представить, что социализм способен выдержать рыночную трансформацию в рамках модели рыночного социализма (дилеммы "рынок – государство"), потому что в этом случае речь идет об усвоении стратегии первого ранга, когда именно государство выступает в роли стратегического лидера. Однако развитие рыночной макроэкономики в направлении наращивания финансовых структур и институтов второго стратегического ранга внутри социализма невозможно. В этом случае на передний план наряду с проблемой деполитизации, то есть отделения микроэкономики (рынка) от макроэкономики (государства), выступает также проблема формирования рыночной макроэкономики как системы контуров – финансового, денежного, доходного. Это обстоятельство ставит финансовый капитал в позицию базисной объектно-субъектной системы, предполагающей спецификацию экономических функций государства как Большого правительства, параллельного Большому банку. Тем самым становится неизбежным разрушение монолита централизованного планового управления. Если говорить о комплексе системных проблем, обнаруженных в 1980-е гг., то речь шла о необходимости формирования сложной системы субъектов и объектов рыночной макроэкономики и о новом системном механизме инвестирования.

Любопытный момент: упадок экономики, очень резкий с начала 1980-х гг., в нашей литературе ни тогда, ни после не было принято связывать с особенностями воспроизводственной модели. Последняя была как бы рассыпана на факторы – труда, материальных и финансовых ресурсов, технологического и научно-технического уровня производства и т.п. Факторное видение было сфокусировано на понятии производительного потенциала. Причем в условиях инвестиционного кризиса именно государство становилось носителем идеи максимизации производительного потенциала всеми доступными способами. Неизбежно возникала последовательность взаимосвязей экономики и политики не в пользу экономики: производительный потенциал – аккумуляция и оптимизация производственных факторов – понимание целостности общественного производства как единства уровней экономики (макро- и микро-) и одновременно единства экономики и политики – децентрализация в целях извлечения дополнительных стимулов экономического роста – неизбежность политической формы социально-экономического кризиса, скрывающей приоритетность экономических аспектов проблемы.

Социализм столкнулся с феноменом ужесточения политизации экономики как раз тогда, когда пришла пора кардинально изменить социально-экономический базис в сторону деполитизации – капитализировать экономику, создать новые рыночные механизмы формирования инвестиционных ресурсов, разделить макро- от микроэкономики, государство – от экономики. На языке же, доступном социалистической общественности, или адекватном социалистической парадигме, формулировался текст с упором на дополнительные инвестиционные и социальные потребности государства, выявляющий-де нехватку ресурсов государства и вытекающую из этой нехватки формулу перестройки. Но, подчеркнем, перестройки в сторону децентрализации не социально-экономической системы в целом, а государственного управления.

Децентрализация стала альфой и омегой выхода из инвестиционного экономического кризиса. И коль скоро она имела ограниченный (политикой) управленческий ресурс, рухнула политическая государственная структура СССР. Тем самым был расчищен путь для социально-экономических преобразований – рыночной трансформации.

Нужно отметить еще один существенный момент. Привнесение в общественное сознание идеи глобализации в качестве новой идеологии, заменившей коммунистичес-

кую, оказалось разрушительным. Парадоксально, но и этот момент способствовал ужесточению политизации. Во-первых, идеология глобализации породила политический хаос. К этому привела, казалось бы, невинная вещь – уровень логической абстракции, где господствовали элементарные идеи рынка вообще, частной собственности вообще, государства вне исторической связи с эпохой и экономикой. Отсюда неопределенность демократических и либеральных установок общества, а следовательно – неопределенность политической оппозиции по отношению к государству.

Был поднят на щит либерализм, который при конкретном рассмотрении всякий раз оказывался слепком с западной демократии, пребывающей в кризисе. Однако кризис западной демократии никак не осмысливался применительно к российским рыночным преобразованиям. Смешение либерализма с демократией позволяло проходить мимо классовой природы демократии и нарождающихся в ней социально-экономической и политической структур либерализма. Это в свою очередь создавало возможность апеллировать к массам вообще (народу, электорату), вместо предложения конструктивных лозунгов отсылать к западным аналогам. Ситуация еще более запутывалась из-за неопределенности системы социально-экономических субъектов реформирования.

Реформы вменялось проводить государству, которое при этом должно было уйти с рынка. Тогда эта очевидная глупость не бросалась в глаза, ибо общественное сознание работало в логике элементарных абстракций. И поскольку понятия не существуют без привязки к материальным объектам (дерево вообще предполагает наличие леса), поскольку рынок вообще оказывался глобальным мировым рынком; государство, осуществляя становление рынка на своей территории, оказывалось вписанным в процесс глобализации, благодаря неолиберальному типу последней (или, что то же, под эгидой США). В этой связи государство обрекалось на геополитические странствия в поисках своего глобального прибежища.

Во-вторых, политический хаос чрезвычайно усиливался вследствие игнорирования рыночной иерархии (циклической иерархии структурных уровней рынка, но это – специальная проблема, которой мы вынуждены здесь не касаться). Рынок представлялся неструктурированным: в рамках глобализации как будто достаточно было исходить из модели сетевого горизонтального рынка, или модели рынка свободной конкуренции. Отсутствие структурного иерархического видения процессов становления рынка приводило к появлению трех акцентов рыночного реформирования, мало связанных между собой.

Первый акцент: отрыв рыночной трансформации отраслевой структуры макроуровня *авв* от формирования общего рыночного равновесия (пропорции между приростами капитала, дохода и продукта). В результате исчезала граница между макро- и микроуровнями экономики.

Второй акцент: адаптация экономики социализма к рынку, по сути, сводилась к адаптации государства, которое должно-де провести соответствующее реформирование управления (критериев, институтов), не затрагивая социально-экономической природы управления. Между тем государство должно организовывать объект управления, исходя из системной природы рыночной макроэкономики. Причем это равно касается как объекта, так и субъекта управления. В рыночной макроэкономике складывается специфическая система субъектов, включающая субъекты финансового контура экономики, ее денежного контура и контура дохода. Принципиальное значение имеет также формирование рыночной вертикали (единой денежной инвестиционной системы страны) во главе с финансовым капиталом и социально-властной вертикали (государство – гражданское общество – ненормативные трудовые социальные отношения) во главе с государством. Сложное строение субъекта и объекта в рыночной макроэкономике обуславливает необходимость освоения коммуникативной практики и взаимодействия как основного метода управления.

Третий акцент: создание мощного финансово-денежного сектора, включающего бюджетно-денежную и инвестиционную банковскую системы, втягивающего в свое пространство и экспортный блок экономики, становясь тем самым глобализацион-

ным форпостом экономики. Такая ситуация не несет в себе упорядочение экономики, напротив, хаос только усиливается. Возникает очень тяжелое для экономики противоречие. С одной стороны, именно финансово-денежный сектор создает инвестиционные ресурсы, с другой – высокие показатели эффективности в нем блокируют его инвестиции во внутренний рынок, загружая государство распределительной функцией, контрпродуктивной с точки зрения перспектив рыночных реформ.

В итоге укоренение трех не связанных друг с другом векторов в социалистической экономике оказалось равносильным мощному замедленному взрыву. Рыночная трансформация сразу же выдвинула проблему разъединения макро- и микроэкономики внутри их единства. Практической попыткой ее решения стала концепция ускорения.

Прорабы перестройки с полным доверием отнеслись к идеям ускорения экономического развития на основе децентрализации и в целом усовершенствования централизованного планового управления (эти идеи были официально озвучены на апрельском 1985 г. Пленуме ЦК КПСС). Академик Аганбегян писал в те годы следующее: "Был взят курс на перестройку всех сторон нашей общественной жизни, на гласность и демократию, провозглашена новая научно-техническая, инвестиционная и структурная политика, взят курс на техническую реконструкцию всех отраслей народного хозяйства на основе опережающего роста машиностроения" [Аганбегян, 1987, с. 8]. Почему же не получилось? Обычный ответ – из-за отсутствия частной собственности и рынка. На наш взгляд, ответ неполный.

Во-первых, остался за скобками так называемый "единый народнохозяйственный комплекс". Мы имеем в виду балансовое переплетение отраслей и формирование жестко спаянных технологических цепочек. Следовательно, не был поставлен вопрос о подготовленности рыночной трансформации со стороны реального сектора экономики, со стороны макроэкономики в целом. Не был поставлен тем самым и вопрос относительно того, какого типа рыночная трансформация наиболее приемлема или реальна. Во-вторых, проблема рынка, точнее – дилемма "рынок – государство", не была соотнесена с задачами макроэкономического равновесия (общего рыночного равновесия). В итоге "зависла" и проблема рыночной иерархии.

Заметим, что социалистическая экономика находилась в ту пору под сильным влиянием западной критики социализма как тоталитаризма, которому отвечало понимание экономики как системы с очень сложным объектом и однозначно простым субъектом (государством). Проблема перестройки сводилась поэтому к разрешению дилеммы "рынок – государство". Соответственно, проблема частной собственности ставилась вообще, вне задачи усложнения экономики на рубеже перехода в постиндустриальное общество. С легкой руки Л. Мизеса и Ф. Хайека, а потом и Я. Корнаи, предполагалось, что социализму в принципе присуща неэффективная экономика, что и нашло свое проявление в падении эффективности накопления и экономическом спаде, которому будто присуще усиление вплоть до отрицательных приростов ВВП.

Но, как показывает статистика, начало снижения эффективности капиталовложений следует отнести только к середине 1970-х гг. Почти 20 лет длилась реструктуризация промышленности, ориентированная, с одной стороны, на развитие экспортного сырья и топливно-энергетического комплекса, а с другой – на модернизацию машиностроения и развитие космических и наукоемких отраслей. Потребительский комплекс сильно отстал. То есть это был инвестиционный экономический рост, рассчитанный на увеличение инвестиционного и в целом производительного спроса. Постепенно складывался воспроизводственный режим с растущими капитальными коэффициентами и отрицательными приростами ВВП. Концепция ускорения возникла как противовес повышению нормы накопления в ВВП, которая не имела механизмов сдерживания на уровне отраслевой и инвестиционной стратегии экономического роста. Действовали механизмы первичной ускоренной индустриализации с присущей ей высокой корреляцией между ростом основных производственных фондов, капиталовложений, труда, фонда заработной платы и ВВП. Поменять механизм инвестирования не представлялось возможным без внедрения в экономику капитала и частной

собственности. Оставалась надежда только на рост эффективности производства и капиталовложений. Но это означало перспективу рыночной трансформации, способной решить данную задачу. Собственно говоря, концепция ускорения и вылилась в реформы собственности и хозяйственного механизма.

Российский опыт рыночной трансформации, с ее огромными потерями в сфере инвестиционного комплекса отраслей и попытками восстановления разрушенного производства на основе укрепления государства ценой утраты части демократических преобразований, должен быть глубоко осмыслен ретроспективно в свете ситуации 1980-х гг. Прошло 20 лет, но как будто ничего не изменилось в воспроизводственной ситуации. Все тот же выбор. Либо восстановление экономики на базе приоритета инвестиционного комплекса отраслей (прежде всего машиностроения) – и тогда политическая эволюция в сторону авторитаризма по социалистической модели. Модели, предполагающей на микроуровне децентрализацию (в современных условиях рынок свободной конкуренции) и на макроуровне – государственное управление на основе бюджетного финансирования и формирования целевых программ с привлечением бизнеса. Либо продолжение демократических преобразований ценой дальнейшего разрушения макроэкономики. Можно ли уйти от этого выбора?

Опасность перенесения концепции ускорения 1985 года в 2005 год

С точки зрения распространившейся в последнее время идеологии представляются возможными только два сценария, и оба предполагают развитие через замедление экономического роста. Мы имеем в виду концепцию восстановительного роста, предложенную Е. Гайдаром, и концепцию структурного реформирования, разрабатываемую Ясиным [Гайдар, 2005; Ясин, 2003; Ясин, Яковлев, 2004]. Отметим факт их теоретического единства, которое сводится к соединению факторного подхода и усилению участия государства в экономике на новом уровне развития рынка и процессов социализации. Это – очень важный теоретический опыт разработки экономических проблем переходной экономики в русле западной методологии. Однако новые процессы в экономике позволяют заключить, что разработка экономической политики государства на основе факторного подхода к планированию (прогнозированию) производственного потенциала экономического роста устарела. Хотя именно такой подход сохраняется во всех программах нашего правительства и разработках различных аналитических центров. Существенно и то, что методология факторного прогноза, работающая с абстрактным рынком, совершенно не вводит в свои модели социально-экономическую структуру рынка, а также структурное строение производительного потенциала экономики [Шапалов, 2004]. В этой связи не удивляет отмечаемое социологами нарастание недовольства экономической политикой государства во всех слоях общества. Опасно, если такое недовольство будет интерпретировано государством как призыв отказаться от "либеральных трафаретов" [Тропкина, 2004].

В современных условиях рынок не является пространством исключительно спонтанных процессов, которым противостоит государство как носитель политической воли. Важнейшее свойство современного финансового рынка – его информативная природа, субъектные целевые взаимодействия на всех уровнях экономики. *Если государство определяет отраслевую и межотраслевую экономическую политику на основе факторного подхода, то оно невольно подчиняет этой политике развитие финансово-бюджетной сферы, тогда как стратегический уровень зиждется на автономии и приоритете финансово-денежной сферы.* Кроме того, оправдание государственного участия в рынке факторным подходом к экономическому росту препятствует объединению системы фондовых рынков и банковской системы в целостный финансово-денежный сектор рынка. Если госбюджет занимает приоритетные позиции в бюджетно-денежной системе государства, а Центральный банк, опираясь на этот приоритет, жестко держит монополию по отношению не только к коммерческим банкам, но и к инвестиционным фондам и всем другим финансовым субъектам рынка, то это обстоятельство препятст-

вует формированию массовых фондовых рынков как важнейшего механизма функционирования целостной системы прямых и косвенных инвестиций.

Назрела новая концепция рыночной макроэкономики, которая позволила бы отойти от дилеммы "рынок – государство", заменив ее дилеммой "финансовый капитал – государство". В рамках дилеммы "рынок – государство" стратегическую функцию мы приписываем государству и связываем ее реализацию с его распределительной функцией. Тем самым мы превращаем концепцию ускорения в теорию дальнейшей политизации экономики уже на стадии ее рыночной трансформации. Развитие же рынка в рамках дилеммы "финансовый капитал – государство" предполагает превращение взаимодействия всех уровней рынка в универсальную форму экономического динамизма, а также реформирование государственного управления в институт внутренней конвергенции, или взаимной адаптации государства и финансового капитала. Мы предполагаем, что эволюция рынка идет в направлении развития финансовой экономики, которой органически присущи свойства синергетики. Исторически происходит становление экономической синергетики, и это – тот барьер, который предстоит преодолеть российской рыночной трансформации.

Синергетическая макроэкономика принадлежит постиндустриальной эпохе. Поэтому сегодня просто невозможны две вещи: создание рыночных механизмов инвестирования путем воссоздания классов и сохранение такого же типа демократии, как при классическом капитализме. Современное гражданское общество объединяет и государство, и традиционное сообщество собственников, и сферу ненормативного рынка (трудовых социальных отношений, тяготеющих институционально к сфере самоуправления). В этом отражается переход от классовой социально-экономической структуры к системе новых "классов" (доходных групп), построенных на распределении доходов.

Современная развитая экономика является финансовой, ее оплот – финансовый капитал. Социалистическое общество, подойдя к границе между индустриальной и постиндустриальной экономикой, не смогло отказаться от традиционного для социализма примата реального сектора экономики. Именно это обстоятельство привело к такому алгоритму рыночной трансформации, который повлек за собой большие потери в экономике и понижение уровня индустриального развития.

Теория и практика социализма исходила из примата реального сектора экономики естественным образом, так как это была экономика без капитала – общественная кооперация живого труда. 20 лет назад представлялся безусловно верным тезис, согласно которому проблема экономического спада рассматривалась в ключе отраслевой структуры, ибо в ней виделось социально-экономическое строение социализма. У Аганбегяна читаем: "Примерно на 2/3 экономический рост был связан с привлечением дополнительных ресурсов (основных производственных фондов, капиталовложений, топлива, сырья, рабочей силы) и только на 1/3 – за счет интенсивных факторов (лучшего использования ресурсов, повышения эффективности общественного производства)" [Аганбегян, 1985, с. 4].

Роль отраслевого строения производительного капитала не исчезает, но претерпевает серьезные изменения. Изменяются место, функция и форма становления отраслевой структуры как компонента макроэкономики. Ясин пишет: "Единственный фактор, обеспечивающий высокие и устойчивые темпы роста, – повышение эффективности, той самой совокупной факторной производительности..." [Ясин, 2003, с. 25]. Что это означает? Это означает полное игнорирование структурной природы динамического рыночного потенциала современной макроэкономики.

В социалистической политической экономии постоянной и сквозной была тема соотношения политики высоких темпов и политики высокой эффективности, когда улучшались качественные показатели. Этой теме целиком посвящена, в частности, трехтомная монография Яременко, на которую мы ссылались выше. Наше время внесло дополнительные акценты в эти споры – высвобождение инициативы, усиление стимулов хозяйственной активности, тогда как прежде упор делался на структуру отраслей и производственных факторов с точки зрения их связи с научно-техническим прогрессом.

Хотя проблема целостности экономических преобразований на основе формирования последовательно интенсивного типа экономического роста, стимулирующего и реализующего перспективы научно-технического прогресса, ставилась очень серьезно, в целом сохранялась идеология примата реального сектора экономики. Между тем индустриализация была завершена, наступила эпоха постиндустриализации со свойственным ей приоритетом финансово-денежного блока экономики по отношению к реальному сектору, приоритета макроэкономики по отношению к микроэкономике и, наконец, приоритета институтов рынка по отношению к централизованному плановому управлению, методологически основанному на натуральном (материальном и трудовом) МОБ ВВП. Все три задачи требовали принципиальной смены теории и практики управления народным хозяйством, исходя из базисной функции финансового капитала, а внутри него – из приоритета крупного финансового капитала. *Дорога вела к экономической синергетике.*

Особенность социализма такова, что, оставаясь внутри его традиции, мало сказать, что невозможно оценить должным образом роль финансового капитала, просто невозможно (методологически) оторваться от примата реального сектора рынка. В итоге функции финансового капитала получают развитие в пределах бюджетно-денежной системы, то есть капитал как бы не имеет существенного значения и в пространстве постсоциализма – он замещен-де категорией "деньги". В этом случае *государство осуществляет адаптацию не к внутреннему рынку, а к мировому*. В то же время поддержка государством приоритета производительного капитала и разработка целевых программ, исходя из адекватного ему факторного производительного потенциала, *работает против открытости рынка*. Центр склонен препятствовать свободному выходу регионов на мировой рынок. Создается денежная экономика с "купюрами". Фондовые рынки стагнируют. Это – хаос. Чтобы его преодолеть, необходимо по-новому и конструктивно увидеть сущность системных связей, объединяющих производительный и финансовый капиталы.

Реформы 1985 г. дали толчок формированию новой экономики, качественно не похожей на социалистическую. Произошел скачок от микро- к макроэкономике, который в социально-экономическом плане опирался на приватизацию и трансформацию социалистической государственной собственности в частную. Но реализация дилеммы "рынок – государство" удерживает реформы в рамках модели рынка свободной конкуренции, которая вновь разворачивает процесс трансформации в сторону модели рыночного социализма.

Мы не имеем возможности рассмотреть здесь все аспекты рыночной трансформации как замены дилеммы "рынок – государство" дилеммой "финансовый капитал – государство". Мы также ограничены размерами статьи, чтобы проводить сравнительный анализ факторных, структурных и институциональных предпосылок российской рыночной трансформации с конструкцией развитого капитализма. Вместе с тем считаем совершенно необходимым указать на *цивилизационный характер кризиса социализма*.

Это не только Россия, но в целом западная (христианская) цивилизация пережила этап социализма (может быть, применительно к цивилизации лучше говорить об этапе социализации) – строя, основанного на общественной кооперации живого труда, одноклассовом (пролетарском) государстве и классовой пролетарской культуре. Смысл такого цивилизационного эксперимента состоял в формировании массовой субъектности: буржуазному классу и ограниченной субъектности был противопоставлен пролетариат и массовая субъектность. Интересно, что на идеологическом (политическом) уровне возникла дилемма "социал-демократизм–коммунизм", тогда как на мировоззренческом и, следовательно, цивилизационном уровне сложилась дилемма "демократия – либерализм". Рыночная трансформация в России погружена сегодня в эти идеологические и мировоззренческие вихри.

Из них вырастают не только новая, более сложная макроэкономика, но и новое общественное сознание. Совершается перегруппировка идеологических и мировоззренческих компонентов общественного сознания, субъектом которого становится *массо-*

вый индивид, взятый в единстве его статусов – физического, социального, духовного. Соответствующая организация экономики (с учетом единства экономики в узком смысле и ее широкого исторического социально-политического контекста) – актуальная задача углубления реформ.

Современные вызовы рыночной макроэкономики и новый старт рыночных реформ

Важно уяснить, что нарастание в стране недовольства политикой государства нельзя свести к взаимоотношению государства и населения. Глубинная проблема состоит в социально-экономическом преобразовании экономики, адекватном новому уровню активности населения, с которого начинается формирование либеральной личности и адекватной ей синергетической макроэкономики. Выделим чисто экономический аспект проблемы.

1. Зрелая индустриальная экономика предполагает четкое разделение (при одновременной глубокой связанности) уровней экономики – макро- и микроуровня. Таким образом, прежде всего вычленяется стратегия первого ранга – устойчивые структуры конкурентного рынка и выражающие эту устойчивость тенденции. На данном уровне стратегия как бы погружена в процессы текущего рынка, и выход за его рамки обеспечивается внедрением в него государства. На этом уровне формирования экономической стратегии социально-экономическая активность населения совпадает со степенью экономической и политической свободы граждан, то есть здесь работает тождество "индивид – гражданин – субъект рынка". Стратегические тенденции фокусируются вокруг бюджета и реализуются средствами бюджетной политики.

Стратегия первого ранга неизбежно перерастает в стратегию второго ранга – соединение рынков разной размерности: производительного капитала, денежного капитала и дохода. В этом случае рынок разделяют структурно не фазы воспроизводства ВВП, всесторонне исследованные К. Марксом, а специфицированные денежные обороты. Как было показано в работах кейнсианской финансовой школы, это – непрерывные контуры экономики: финансовый во главе с Большим банком и денежный во главе с Большим правительством. Мы полагаем, что к ним необходимо добавить и третий – контур дохода. Тогда рынок, становясь целостной системой денежных оборотов-контуров, способен к воспроизведению своей макроэкономической целостности на принципах самоорганизации и эволюционной, если можно так выразиться, самодостаточности.

При этом финансовый контур, работающий в циклическом времени, обуславливает целостность рынка с точки зрения эффективности и масштабности накопления капитала. Денежный контур регулирует воспроизводство денег в сумме всех форм ликвидности и денежных инструментов, поддерживая режим эквивалентного обмена мировой и национальной валюты. Конъюнктурные волны финансово-денежных рынков зарождаются в недрах финансового контура. Национальная финансовая система чутко воспринимает как депрессию, так и экспансию мировых финансовых рынков. Ее же собственное воздействие на мировые финансовые рынки определяется складывающимися внутри национальной экономики типом экономического роста (последовательно интенсивного, интенсивно-экстенсивного, экстенсивно-интенсивного, экстенсивного диверсифицированного). Его выбор – вопрос не только экономической, но и социальной политики государства. Причем понимание ее предмета выходит далеко за пределы традиционных векторов развития (здравоохранение, образование, социальное обеспечение). Добавляется политика социальной активности граждан. Ее инфраструктура создается условиями соединения на индивидуальном уровне поведенческой активности производителя, потребителя, инвестора и эмитента. Поэтому между обоими рангами стратегии лежит качественный переход – бифуркация. Государство должно быть готово к тому, чтобы возглавить процесс резкого увеличения социальной активности населения и подчинить ему реформирование экономики.

2. Тип экономического роста определяется (подчеркнем, в условиях складывающейся рыночной макроэкономики) мерой свободы финансово-денежного сектора от реального сектора, или финансового капитала от производительного. Существенный момент: мера финансовой свободы и амплитуда выбора типа экономического роста в свою очередь обуславливаются степенью зрелости второго ранга стратегии. В рамках первого ранга финансовая стратегия обладает мерой стратегической свободы государства, в конечном счете – масштабом и структурой бюджета государства. В этом случае мы вправе говорить о стратегических социальных целях и оптимизации системы производственных факторов. Тип экономического роста в условиях стратегии рыночной макроэкономики первого ранга – содержание финансово-денежной системы страны. Здесь даже не нужно ничего специально объяснять, так как, например, в наши дни общий термин "инвестиционный экономический рост" используется большим числом экономистов и политологов именно как характеристика российской финансово-денежной системы. И это справедливо.

В рамках стратегии второго ранга примат финансово-денежного сектора по отношению к реальному обозначен совершенно отчетливо. Стратегическая траектория обуславливается составом и объемом не производительного капитала, а инвестиций. Стратегическим центром развития становится крупный финансовый капитал и его рынок, рынок программных стратегических инвестиций, субъектом которого является макрокооперация финансового капитала, государства и регионов. Именно этот рынок формирует квант экономического роста. Экономический квант, с точки зрения нижней границы экономического роста, задает такую рыночную экспансию, в которой участвуют не только прямые инвестиции, но и долговременные инвестиционные кредиты, а также массовые денежные и фондовые рынки. Максимум экспансии ограничивается пороговыми значениями капитального коэффициента.

3. В рамках рыночной макроэкономики, особенно применительно к ее развитому варианту с четко выделенными контурами (финансовым, денежным, доходным) и базисной позицией рынка стратегических программных инвестиций, действует приоритет институтов рынка по отношению к институтам планового централизованного управления. Однако ситуация парадоксальна с точки зрения заключенной в ней тенденции. Рынок финансовой экономики (предполагающий приоритет финансового капитала) и государство связаны отношениями внутренней конвергенции. Процесс внутренней конвергенции продуцирует особую природу экономического управления – через взаимодействие, которое адекватно принципам коммуникативной практики современного западного демократического общества.

И если мы говорим о приоритете рынка перед государством, то, с учетом коммуникативной практики, предполагаем не вытеснение государства рынком, а выведение дилеммы "рынок – государство" в более широкий контекст соотношения экономики и политики. Государственная политика должна ориентироваться не на социальные установки общества как таковые, а на сформулированные на языке структурных и динамических возможностей экономики сценарии стратегического развития. Такие сценарии базируются на макрокооперации крупного финансового капитала и государства, то есть на политической макроэкономике, фиксирующей в своих институтах соотношение экономики и ее социально-экономического исторического контекста.

Ни одно из трех отмеченных выше специфических условий перехода от индустриальной экономики к постиндустриальной до сих пор у нас не выполнено полностью. Правда, появились импульсы формирования соответствующих тенденций, но они постепенно заглохли. Эти импульсы не были опознаны на пороге социально-политического взрыва и развала СССР. Они были неверно интерпретированы и идеологами рыночной трансформации.

Социализм поразительно легко отказался от централизованного планирования, хотя в институциональном и научном отношении это был глубоко проработанный блок социально-экономических отношений. Отказу предшествовали попытки развить стратегическое долгосрочное планирование и прогнозирование. Начиная с 1970-х гг.

перспективные планы и прогнозы разрабатывались регулярно. При этом обозначился ряд проблем, методология решения которых постоянно давала сбои. Так, возникла общественная потребность уточнения субъекта стратегии. Если это государство, то как создать необходимую для формирования макроэкономики и стратегии первого ранга дистанцию между массой предприятий, отраслей и государством в целом? Проблема оказалась не технической, а социально-политической. Решение 1991 г. – спонтанное развитие рынка, в котором государство исполняет роль сугубо политического субъекта и в связи с этим уходит из его сферы. Проблема соотношения макро- и микроуровня практически не разрешалась.

Ситуация в экономике была крайне сложной. С одной стороны, был неясен интегрированный источник инвестиций, дефицит которых носил универсальный характер. Политическое решение проблемы могло исходить только из внешнеэкономических факторов, доступных манипуляциям государства (имеется в виду степень открытости экономики и приоритет сырьевых, топливно-энергетических отраслей). С другой стороны, был вполне возможен отказ от примата производительного капитала (реального сектора экономики) в пользу финансово-денежного сектора. В этом случае открывалась перспектива использовать монетаристский опыт управления экономикой на принципах регулируемой инфляции и наращивания внешнего долга.

Кейнсианский опыт регулирования общего рыночного равновесия, если суммировать разные аспекты кризисной ситуации середины 1980-х гг., не подходил, так как наша экономика имела избыток индустриальных отраслей при неразвитости отраслей потребительского комплекса. Ситуация усугублялась чрезвычайно низкими доходами населения, во многом определявшими спросовый потенциал экономики, с которым работала кейнсианская модель. Освоение принципов общего рыночного равновесия блокировалось также тем, что супериндустриальная структура народного хозяйства сопровождалась образованием больших разрывов стоимостных эквивалентов рубля в разных отраслях народного хозяйства и промышленности.

Таким образом, анализ ситуации 1980-х гг. и развития событий в 1990-х гг. приводит к выводу, что глубинной экономической причиной распада социализма явился инвестиционный кризис. Он побудил как сознательный, так и спонтанный поиск нового инвестиционного механизма. Причем был очевиден макроэкономический характер кризиса. Экономика нуждалась в оформлении макроэкономики первого ранга стратегии.

Это выдвинуло на историческую авансцену задачу построения политической рыночной макроэкономики. Ее решение оказалось пролонгированным, породившим сложный алгоритм рыночной трансформации. Его самая интересная особенность заключается в том, что, начав с установления самой общей предпосылки рынка, каковой является массовая частная собственность, и устремив реформы (поначалу в рамках экономической перестройки) к полному замещению государственной собственности частной, реформа в настоящее время, когда приватизация в целом завершена, стала пробуксовывать. По нашему мнению, это входит в ее алгоритм. Экономика самим фактом ненадежности программ ускорения экономического роста, их серьезной зависимости от цен внешнего рынка и интенсивности потока инвестиций в российскую экономику спонтанно указывает на необходимость формирования структур и институтов стратегической системы рынков второго ранга. Российская экономика должна зависеть от собственного производительного капитала, от собственного дохода населения, от собственной структуры региональных рынков.

Предстоит большая работа по созданию основных элементов рыночной экономики со стратегией второго ранга. Перечислим в заключение эти элементы, оставляя их анализ для будущей публикации. Это – циклическая иерархия системы рынков, обеспечивающая квантовую природу экономического роста; единая денежная система страны во главе с финансовым капиталом + властная рыночная вертикаль во главе с государством; Большой Кондратьевский Цикл (БКЦ), включающий в себя воспроизводственную модель Дж.М. Кейнса; внутренний выбор типа экономического роста, предполагающий последовательную смену типов в процессе смены фаз БКЦ; структурный (вместо фак-

торного) характер рыночного динамического потенциала. Совмещение экономической активности населения с динамикой экономического роста на принципах регулируемой рыночной экспансии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аганбегян А.Г. На новом этапе экономического строительства // Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). 1985. № 8.

Аганбегян А.Г. Программа коренной перестройки // Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). 1987. № 11.

Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. Глава 9. Постсоциалистический кризис и восстановительный рост. М., 2005.

Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Финансовый капитал как системообразующий базис экономики // Общественные науки и современность. 1998. № 6.

Сен А. Развитие как свобода. М., 2004.

Тропкина О. “Негативное большинство” угрожает “президентскому” // Известия. 2004. 1 декабря.

Шаповалов А. Росту помешали государство и импорт // Коммерсантъ. 2004. 1 октября.

Яременко Ю.В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ // Яременко Ю.В. Избранные труды. В 3 кн. Кн. 3. М., 1999.

Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики // Яременко Ю.В. Избранные труды. В 3 кн. Кн. 1. М., 1997.

Ясин Е.Г. Новая эпоха – старые тревоги: политическая экономия. М., 2004.

Ясин Е.Г. Структурный маневр и экономический рост // Вопросы экономики. 2003. № 8.

Ясин Е.Г., Яковлев А.А. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики // Вопросы экономики. 2004. № 7.

© Л. Евстигнеева, Р. Евстигнеев, 2005